

Мария Четверикова

г. Омск

Насовсем уехали друзья,
не зайдя со мною попрощаться.
Телефоны?.. Пожеланья счастья
доверять им всё-таки нельзя.

Затихает лета метроном,
отмеряя солнечные доли.
Птица счастья просится на волю
в пряный август за моим окном.

Слушай, птица, раз тебе пора,
дай кружок – друзей моих проведай!..

Настежь окна.
Синий всполох в небе.
Зябкость предосеннего двора.

Ничего, что не мост, а мостки лишь:
это просто – немного да малость.
Знай, тоска: моё сердце покинешь –
дозвониться бы только до мамы.

Ничего, если путь через пустошь:
это просто – туда и обратно.
Знай, беда: моё сердце отпустишь –
дозвониться бы только до брата.

Ничего! Пожимая плечами,
принимаю любую дорогу.
Только б близких сберечь от печалей –
домолиться бы только до Бога.

Отказаться от шанса прожить на пределе
жизнь
равносильно тому, чтобы вовсе ее проспять.
Мы с тобою следим, чтоб играющие во ржи
не упали бы в пропасть, – задача весьма
проста.

Вечный вечер над полем огромным. И прост
расчёт.

Воздух страшно бесстрастный колеблется
и дрожит.

Он получит однажды и нас. Но пока ещё
мы над пропастью этой извечной стоим
во ржи.

Опыт в роли ловца очень круто меняет
жизнь:

бездна всюду с тобой, как ты окна
ни занавесь.

Мы не сможем уже, как другие, играть
во ржи...

Улыбнись мне в ответ, пока мы еще оба
здесь.

Кот рыжий не встречался вам?
Вальяжный, важный, весь домашний,
невозмутимо и бесстрашно
идуший по своим делам?

Мы как-то шли с ним по листве
сентябрьского почти что лета.
Он одного с листвой был цвета
и излучал неяркий свет.

Четыре лапы, две ноги –
мы разошлись у магистрали.
Но разговаривать не стали,
хотя, наверное, могли.

Во всяком случае, он так
серьёзно глянул на прощанье:
мол, ты смотри, пообещай мне
машин беречься и собак.

Я, от тоски заledenев,
ответный взгляд послать решила:
мол, ни собаки, ни машины
не могут быть страшней людей...

Надеюсь, взгляд ответный тот
его предупредил о многом.
Брожу по улицам с тревогой:
вам рыжий не встречался кот?..

Юбки летят и звенят монисты,
пусть не фламенко – dubstep грохочет.

Дети чужие растут быстро,
дети любимых – быстрее прочих.

Пусть и не площадь – танцпол не хуже:
сангрией – кровь, тело – жгучим перцем.

Дон, вы ошиблись, не нужен муж мне,
нужно, чтоб не разорвалось сердце.

Цепи прочны, а цепочки тонки.
Лишь бы смириться к исходу ночи.

Жёны бывают несчастны, только
жёны любимых счастливей прочих.

Покажите мне человека, любившего дважды,
чтоб земля из-под ног и заря за зарей крали
ночи.

Покажите мне человека, забывшего каждый
отлетевший осколок разбившихся враз
одиночеств.

Покажите мне человека, избывшего жажду.
Если вправду он есть, то, наверное,
он – небожитель.

Покажите мне человека, любившего дважды.

Ну пожалуйста,
покажите.

Солнечный день травой скошен,
солнечный наступает вечер.
На подоконнике спит кошка,
бабушка разбирает гречку.

Бабушки нет и кошки тоже.
Есть только я да моя память.
Солнечный вечер давно прожит,
и не вернуться, не исправить.

Прожито. И держусь за то, что
прошлое становится вечным:
на подоконнике спит кошка,
бабушка разбирает гречку.

В который раз отказываюсь «в жёны»:
не страшно быть одной и «без плеча».
Страшнее из горячей стать сожжённой,
чем розы на д. р. не получать.

Я остаюсь упрямой и стихийной,
свободной и сжигающей мосты;
стоят цветами в вазе мастихины,
а значит, мне подвластны все цветы.

